

## Воспоминанія Макарова о кн. Дмитріи Владиміровичѣ Голицынѣ.

Еще воспоминавіе о князѣ Дмитріѣ Владиміровичѣ Голицынѣ.  
(Записка частная.)

И не коротко знать князя Дмитрія Владиміровича и потому не могу столько же, какъ и другіе, хорошо его знавшіе, говорить о немъ; но и жилъ въ его время, видалъ его, имѣлъ даже замѣчательный для меня случай ѣздывать съ нимъ и потѣ этого уже, кажется, довольно, чтобъ и мнѣ принести ему какъ-нибудь лепту моихъ воспоминаній, можетъ быть, современнѣе, такія для чего нибудь потребую, какъ въ исторіи жизни незабвеннаго Главнокомандующаго Москвою, такъ и въ исторіи самой Москвы ея современной.

Въ началѣ настоящаго столѣтія я бывалъ очень часто у князя Сергія Се-

дворянина Галицина \*) у баронессы Натальи Михайловны Строгоновой \*\*) у Василия Петровича Салтыкова \*\*\*) и у других многих родственников моих (изъ фамилии Нееловыхъ). Тутъ я встрѣчалъ князя Бориса Владиміровича Голицына и брата его князя Дмитрія Владиміровича, еще полнаго цвѣтомъ жизни и столько же всегда любезнаго и обходительнаго, какимъ уже и недавно его знала вся Москва! Какъ юношѣ, отъ природы дикому, застѣнчивому, занятому только мечтами поэтическими и романтическими, къ несчастію весьма несподручнымъ свѣту мнѣ трудно, очень трудно было получить какое нибудь общеніе съ княземъ; но, однакоже, съ той самой поры я началъ уже почитать его въ числѣ лицъ мнѣ извѣстныхъ и близкихъ ому, какъ моему знакомому. За то уже къ князю Борису Владиміровичу, къ которому частенько собирались Мераляковъ, Кокоткинъ, Глинка и много другія литературныя наши извѣстности, я тоже являлся, какъ будто бы литераторъ и тутъ опять видалъ князя Дмитрія Владиміровича, но все, для себя собственно, по прежнему изъ-за стѣнки! И вотъ уже послѣ 1828 года, по службѣ моей при сенаторѣ Дурасовѣ, по дѣламъ холеры и по дѣламъ Общества Испытателей Природы и Человѣколюбиваго, я былъ нѣсколько съ княземъ ближе, и даже имѣлъ съ нимъ личныя мои свиданія, по первому, какъ съ президентомъ, а по послѣднему въ словѣ и замолвкѣ о бѣдныхъ. Не буду говорить о томъ, что въ первыхъ нашихъ общеніяхъ, особенно въ частныхъ у почтеннаго нашего вице-президента Общества Григорія Ивановича Фишера фонъ Валдгеймъ, князь бывалъ незабвеннымъ, тутъ его глубокія познанія въ наукѣ природы развертывались вполне! Сколько опытовъ, сколько богатыхъ примѣровъ, имъ являемыхъ, принадлежавшихъ собственно великой наукѣ! Мы бывали всѣ въ слуху! По другому отдѣлу, хочу говорить о филантропіи — перлъ благороднаго сердца человѣческаго. Онъ же князь, непрестанно озабочиваясь о помощи бѣднымъ, а главное объ истребленіи въ Москвѣ бродящей нищеты, неоднократно совѣтовалъ о томъ со многими и особенно съ извѣстнымъ основателемъ Московскаго Попечительнаго Комитета, примѣрнымъ въ своихъ дѣлахъ благотворнымъ Александромъ Ивановичемъ Бахметевымъ и наконецъ въ 1838 году (если на этотъ разъ не измѣняетъ мнѣ память) по предложенію, мы члены филантропіи всѣ уже были собраны въ Арбатской домъ Комитетской, мѣсто тогдашнихъ нашихъ засѣданій. Дѣло шло о томъ, какимъ бы образовать Комитетъ еще къ лучшему на

\*) Генераль отъ Инфантерій, баринъ московскій, домъ его былъ подлѣ самыхъ Арбатскихъ воротъ. М.

\*\*) Родилась княжна Власовская, мать благодѣтельствованнаго мнѣ барона Александра Сергѣевича Строгонова. М.

\*\*\*) Таинный совѣтникъ, баринъ хлѣбосоль, имѣлъ былъ на сестру баронессы Строгоновой, Валу и театры его, въ свое время, гремѣли въ Москвѣ. Домъ его на Тверской, имѣлъ князя Логичева. М. членскій своеговѣтъ, былъ п.

помощь бѣднаго человечества. Говорили очень много, разсматривали уставы и постановленія другихъ многихъ филантропическихъ обществъ, между прочими и я, съ моей стороны предложилъ нѣкоторые мои замѣтки о помощи одному и томъ же предмету „спасать отъ бѣдности и помогать бѣднымъ“. Князю понравилась сказаннымъ мною замѣтки и онъ просилъ меня привести ихъ къ нему, когда только найду, для того, удобное время. Я не замѣдлалъ; но какъ вѣчно педаващій съ формами, кажется, исполнять, тогда, мою желанную обязанность совсемъ несподать, но спросилъ я ни о чемъ, и не посоветовавшихся ни съ кѣмъ я прѣхалъ къ князю въ одно изъ тѣхъ утръ, когда онъ былъ занятъ множествомъ дѣлъ. Со всѣмъ тѣмъ по данному, предварительному приказу о мнѣ, меня къ нему допустили и князь принялъ меня весьма благосклонно, внимательно слушалъ всѣ мои изложенія о бѣдныхъ собственно по вѣренной Комитетомъ мнѣ Городской части и наконецъ сказалъ, что ему бы весьма пріятно было, еслибъ я всѣ мои замѣтки оставилъ у него, при молвиѣ съ тѣмъ же, что тутъ есть очень много любопытнаго, о чемъ еще не совсемъ хорошо зналъ онъ. Далѣе мы говорили многое объ одномъ и томъ же предмету и наконецъ довершили, что лучшее и самое надежное средство побавитъ нищихъ, должно, какъ можно прилѣжаніе изыскивать воъ средства къ предупрежденію не только нищеты; но даже и намѣтковъ къ первоначальной бѣдности. Я слушалъ князя не только со вниманіемъ; но даже съ жадностію. Наконецъ онъ показывалъ мнѣ множество книгъ, писанныхъ именно только въ пособіе бѣдныхъ и бѣдности и сколько я замѣтилъ здѣсь, уже рождалась основная мысль въ немъ учредить Комитетъ собственно для призора просящихъ милостыню (который, какъ извѣстно послѣ, и учрежденъ имъ); но не слѣтлымъ съ Комитетомъ Человѣколюбиваго Общества, чего князю, сколько я могъ достигнуть, желалось. Имѣя при себѣ съ прочими бумагами и статью о нищихъ помѣщенную въ Юнкской книжкѣ журнала „Пантеонъ Славныхъ Россійскихъ Мужей“, выданномъ 1816 года въ С.П.Вургѣ: я просилъ дозволенія прочесть ее и князь согласился. Для любопытныхъ, худо знакомыхъ со всѣмъ нашимъ прошлымъ, вотъ она:

„Дѣйствительная склонность, говорить авторъ статьи, владѣютъ человекомъ любовь къ жизни и любовь къ праздности.

„Тамъ, гдѣ люди могутъ удовлетворять и той и другой, понимаванной склонности, тамъ общество гражданъ питаетъ тунедѣль, тамъ люди живутъ, а не шеть другъ друга и уже ни одинъ изъ нихъ ни къ чему не полезенъ.

„Мудрое правленіе должно истреблять бродягъ и нищихъ, только тутъ оно можетъ пользоваться людьми и возбуждать въ нихъ трудолюбіе — единственный источникъ множить благо народа и богатство государственное — привычка къ трудамъ неоспоримо уменьшаетъ даже и число преступленій!“

„Мысли извѣстныя, замѣтилъ князь, все это говорено не одну тысячу разъ; но гдѣ же тутъ способъ, какъ истробить нищету — нашъ предметъ?“ еще замѣтилъ онъ же улынувшись.

„Способъ легкой и простой!“ продолжать я въ моемъ чтеніи „способъ уже испытанный въ Гамбургѣ и въ соединенныхъ областяхъ; онъ достоинъ благодѣтельнаго правленія, обявляяго принимать всѣ спасительныя мѣры для поддержанія морали и чистоты.“

„Прекрасно, но гдѣ жъ способъ?“

„Вотъ онъ, продолжалъ опять я: десять, или двѣнадцать старѣйшихъ семействъ, разумно людей именитыхъ и богатыхъ, здѣсь, легко могутъ посвящать себя благу общественному, требованіе награды зато имъ ихъ принадлежности, изъ одной только признательности и любви къ согражданамъ, они берутъ на себя попеченіе о бѣдныхъ и такимъ образомъ составляютъ собою комитетъ благотворительный. Предсѣдатель избирается изъ среды ихъ же и смѣняется по истеченіи года.“

„Съ этимъ я согласенъ, сказалъ князь, каждый членъ опредѣлившій себя на дѣло добра, для него и для другихъ долженъ испытываться не по одной собственной частности; но годовою сроку для предсѣдателя ничтоженъ.“

Далѣе мы читали, что попечители о бѣдныхъ въ каждой части города должны имѣть особыхъ смотрителей, по числу улицъ, что и смотрители эти обязаны служить безкорыстно, что всякое земное вознагражденіе тускнитъ подвигъ добраго дѣла и что если только пожалуетъ правительство, то во всякомъ государствѣ найдется множество людей желающихъ посвятить и себя и всю жизнь свою именно только добродѣтели. Трудящимся во благо и одно почтительно вниманіе къ нимъ отечества награда небесная! Затѣмъ слѣдовали способы распорядительныя, князь все слушать со вниманіемъ; но замѣчать, что тутъ еще много для насъ неготоваго и даже мечтательнаго. Здѣсь доложили ему о какомъ то дѣлѣ и я съ нимъ расстался со словомъ и еще бывать у него. Такъ бы и должно быть; но я, какъ дикарь никогда не дѣйствующій безъ толчка и особыхъ поужденій не умѣлъ воспользоваться даннымъ мнѣ правомъ и не побѣждалъ уже князя, тѣмъ болѣе, что болѣзнь и обстоятельства службы вскорѣ, послѣ того, меня задѣржали, а послѣ уже по обыкновенію моему я остался за стѣною.

Читанная мною князю статья моя о бѣдныхъ по моему л'ороской части. у меня еще пагѣдъ не была знаменною, теперь отыскать ее, нѣтъ съ лестными для меня воспоминаніями о бѣдѣ моей съ княземъ Дмитріемъ Владимировичемъ, у котораго однакожъ оставлена копія этой статьи, и рѣшаюсь ее обнародовать. Въ дѣлахъ филантропіи по Москвѣ не будетъ ли она на что нибудь полезною, а тѣмъ болѣе, что въ ней все оффиціально!

Вот, что я написал и прочёл князя о моих бѣдныхъ:

„Десять лѣтъ, да именю десять лѣтъ я управлю бѣдными, въ одной изъ главныхъ и богатѣйшихъ частей Москвы, начало атого управленія мнѣ доверено Попечительнымъ Комитетомъ съ 1828 года и, кажется, въ Майѣ, или въ Июнь мѣсяцъ, хорошенько не упоминая. Но въ десять лѣтъ моего правленія бѣдностью, можетъ быть, къ моему стыду, а я никакъ не попытался до всѣхъ дѣлений, раздѣленія и подраздѣленія въ повѣрстной мнѣ нищеты. Наука должна вѣрять убожествомъ человѣческое, наука мудреная, въ ней столько назиданій, простоты и кафикиныхъ узловъ и всякихъ недоразумѣній, что и по съ моею головною служащей бѣдности только по охотѣ, не по наряду, никакъ не доберешся той истинны, которую бы знать хотѣлось, на моемъ мѣстѣ, и всякому добродушному члену. Тутъ требуется волшебство, ворожба догадливая, опытность, на разборъ сердецъ, универсальная и ко всему этому какая-то необыкновенная ловкость подробно научать то на что пошелъ, за что взялся! Привычный нищій Протей; онъ въ одно и то же время то жалокъ, то отравителенъ: къ нему на помощь, иногда, влечётъ одно наше братство по челоуѣчеству, одно общее съ нимъ челоуѣчество; онъ нашъ содупяникъ; но въ ту же минуту, при другой встрѣчѣ, пороки, этого же симаго нашего содупиника, неволью заставляютъ, намъ же, дѣлать необыкновенно высокія скачки то въось, то въпрямь!.. Не вѣрнотъ? Такъ посмотрите же, что я расажу еще въ добавокъ мною начатому:

„Въ царствѣ бѣдныхъ есть бѣдники неопытные, еще одва, едва пристигнутые бѣдностью, еще юсомытые въ ея ужасной челюсти и вотъ ужъ для этихъ-то бѣдныхъ спасеніе нужно немедленное — читайте далѣе, адеи, будутъ передъ вами прикѣры всѣхъ нашихъ бѣдственныхъ возможностей:

„Вотъ дворянинъ; онъ жертва суетныхъ приличій свѣта, при своемъ „мазомъ“ несоразмѣрный послѣдователь за болышми, суетными приличіями слѣпилъ его и наконецъ убили! Вотъ купецъ жертва тѣхъ же ослѣпленій въ расчотахъ! Вотъ ихъ невинныя смроты, какое ихъ множество: малютка на малюткѣ. Вчера они все еще были ямѣстѣ съ вами въ одной и той же бѣдѣ, но и нынче они все же въ тарѣ, не подъ окномъ вашимъ; да за то ужъ очень скоро, можетъ быть, завтра же, самое страшное утро настанетъ въ ихъ жизни! Бога ради поддержите ихъ, посмотрите какая глубокая пропасть предъ ними; они разнемогаются бѣдностью, спѣшите дѣлать ихъ!.. Но такіе несчастливы, доколы они, вмѣстѣ съ нами, дышать свѣтомъ Божиимъ, они еще никакъ не постигнути; они оцо не просятъ насъ, и для непостигаемыхъ нами, для непросажихъ насъ нѣтъ и малостей, такимъ великимъ бѣдникамъ мы не продвигаемъ и спомовъ къ ихъ спасенію: „они не просятъ!“ Мы люди ждемъ къ своей помощи одной только бѣдности и растленной развратомъ во всей полнотѣ его свѣтъ, мы допускаемъ ростовщика неказаннаго догладать бѣдника и, когда уже

является прель глаза наши не человекъ бѣдный, а уже оди́нъ скелетъ этого бѣднаго человека, вотъ тогда только наше человечество рѣшается съ нимъ дѣйствовать человѣчески и то не такъ, какъ должно; а хладнокровно, когти-ками, кускомъ черствого хлѣба и скорбе всего словомъ: „Вотъ полады!“ \*)

„Бѣдыяки уже нѣсколько ознакомившіеся съ пріятностію бѣдности; они уже научились обращать ее въ какое-то прибыльное для нихъ торжество, по крайній мѣрѣ въ пріятное настоящеему ихъ быту—это дѣти сорвавшіеся съ помочей человеколюбиваго за ними надзора, это ученики забравованные въ утѣшительной школѣ надежды; они выдерживаютъ, теперь, экзаменъ, у страшнаго профессора, который проповѣдъ науки: отчаяній и униженій. Для этихъ несчастливцевъ никакая утѣренная помощь невозможна—для нихъ требуется надзиратель съ необыкновенною строгостію и со средствами, которыми можетъ только дать одна сила законовъ, одна прерипетства, доверившая всѣ честности надзирателя. за этими бѣдными, по крайній мѣрѣ, такъ научилъ меня десятилѣтній мой опытъ.“ \*\*)

Возвращаясь къ начатому прежде: управляя бѣдными Городской части, повѣренными мнѣ отъ Попечительнаго Комитета, я узналъ по моей обязанности всѣ, я видѣлъ всѣ то о чемъ, теперь, рассказываю, можетъ быть публично и что, можетъ быть, по недолжности моей надзирать за бѣдностію, должно причитаться, мнѣ же, въ вину непростительную. Конечно, я готовъ себя оправдывать тѣмъ, что мои средства помогать бѣднымъ обыкновенно слишкомъ слабы: у меня нѣтъ мѣста, гдѣ бы я могъ пріютить всякаго рода бѣдность. Моя богатая, миллионная часть полна сокровищами; \*\*\*) но подъ моими руками нѣтъ ни богадѣльни, ни дома для странниковъ, ни училища, ни ремесленной съ мастерскою, въ которая бы, безъ всякой платы и могъ самъ размѣщать моихъ милотѣтнхъ нищихъ; наконецъ посреди богачей огромныхъ я не увиѣлъ еще наидти и богача породотсвеннаго, который бы подаль мнѣ руку за бѣдныхъ и дѣйствовалъ бы для нихъ со мною за одно. Но это ли оправданіе? Спрашивается: „безъ оредотвъ и опособовъ: зачѣмъ же я задумалъ пещись о бѣд-

\*) При словѣ: „ростовщикъ наказаннаго“ князь Дмитрій Владиміровичъ спросилъ меня, „что и подъ этимъ разумѣютъ? И отвѣчалъ, что тайнымъ оулькомъ великіе ростовщики отъ 3-ти и до 4-ти копѣекъ на рубль въ мѣсяцъ, какъ тайнѣ, остаются почти всегда внѣ законнои и, потому-то именни, съ подобными срѣдствами ростовщикъ рѣшительно неконкауемый. Князь съазалъ мнѣ, что объ этомъ онъ уже знаетъ и будетъ погонять. Векоръ послѣ того повинилось благотѣльное учрежденіе для млечныхъ валежковъ; но участь ростовщиковъ оное не рѣшила. М.

\*\*) „Прекрасно! оказалъ князь, вы повтораете мнѣ мысль, нахотѣя напечатать въ Пытостой! Это что-то въ томъ же плоты; но вы сами попечителѣ и вы подумайте.“ М.

\*\*\*) „Городскія! завітѣлъ мнѣ съ улыбаюю князь, а знаетъ ли кто, что вы попечителѣ, ол бѣд-ности?“—„Никто, отвѣчалъ и, кроиъ части города.“—„Пушди бы объ этомъ извѣстить и другіихъ ии жителей.“ демознѣтъ онъ. М.

ных?" Виноваты: „я привыкъ къ своимъ бѣднымъ и привыкъ надѣяться, что хотя что нибудь я когда нибудь буду въ ихъ пользу по моему.“

Собственно пенсіоеровъ Попечительнаго Комитета получающихъ отъ 4-х до 20 рублей мѣсячно въ мѣсяцъ пенсіи у меня никогда не превышало дватцати семействъ (по Городской части); но и изъ этихъ, по моему мнѣнію, не всѣ бы должны были пользоваться опредѣленнымъ отъ Комитета пенсіономъ, иные изъ нихъ достойны бы жить въ богадѣльняхъ, у другихъ, по ихъ желанію, должно бы отобрать дѣтей и размѣстить нѣкоторыхъ въ школы, другихъ въ мастерство. Но, Комитетъ, имѣя достаточное число богадѣльнъ, не возраставшему числу бѣдности, прибывающей въ столицы изъ губерній \*) началъ въ своихъ богадѣльняхъ затруждать мѣстами, притомъ же нѣкоторыхъ старухъ и старцевъ, привыкшихъ бродить, онъ не имѣетъ и правъ помѣщать въ богадѣльни, противъ ихъ воли! Встрѣчаясь съ нищимъ получающимъ, палыющимъ на грязь я останавливаюсь и молчу. \*\*) Чтожъ принадлежить до дѣтей, которымъ и выростая бродягамъ, нечувствительно умножаютъ классъ безпечныхъ, то въ ихъ пользу ни самъ Комитетъ, ни кто либо изъ членовъ его не имѣетъ никакихъ сношеній, по существу этаго дѣла, ни со школами для дѣтей, ни съ ремесленными заведеніями, которыя бы должны были принять участіе въ семъ важномъ дѣлѣ для человѣчества, оставленнаго безъ результатовъ!... Но объ этомъ я уже упоминалъ В. С. \*\*\*)

Пританищи моихъ городскихъ бѣдныхъ обыкновенно составляютъ дома Г. Шипова \*\*\*\*) купца Варгина \*\*\*\*\*) Г.-жи Сухопрудской \*\*\*\*\*) и нѣкоторые другіе болѣе, или менѣе, въ помѣщеніи своемъ значительные. Впрочемъ, въ Городской части, также, какъ и въ другихъ, гдѣ только есть подвалъ съ печкою и съ какимъ нибудь окномъ, тамъ уже навѣрное пристань нищему. Я находилъ ихъ даже въ подвалахъ подъ церквами, подъ казенными зданіями и проч. \*\*\*\*\*) Кварту въ подвалахъ обыкновенно снимаетъ кто нибудь одинъ изъ предпримчивыхъ бѣдняковъ, онъ дѣлитъ ее математически на аршины и отдаетъ

\*) Благоудѣльные дѣйствія Комитета о проявляющъ милостыню принявъ этого уже достаточно остановили. М.

\*\*) И всѣхъ подобныхъ, получающихъ и выходящихъ, выигрѣ по дѣятельности того же Комитета мы уже почти не встрѣчаемъ. М.

\*\*\*). „При Императора Павла, сидѣлъ князь, всѣхъ свободныхъ милостынныхъ бродягъ имѣли право брать въ каютенеты.“ И многа, отъѣхалъ я, мнѣ случилось читать это у родственника моего сенатора Кропотова, бывшаго прежде шефомъ Нашебургскаго Мушкетарскаго полка. М.

\*\*\*\*) Г. Шиповъ имѣлъ въ Городской части два дома, одинъ у Варваркина воротъ другой въ Зарядѣ.

\*\*\*\*\*) Нынче уже этотъ домъ принадлежить другому владѣльцу. М.

\*\*\*\*\*) Тамъ остаются за другими владѣльцами. М.

\*\*\*\*\*) Во время свирѣпствовавшей изъ Москвы холеры, я внесенъ въ этомъ съ Озеръ-Нижнимъ-сторомъ Мушкетеромъ и былъ обязанъ ему многими пособіями. М.

каждый аршинъ въ наомъ уже бѣднѣйшимъ его спекулянтамъ, а эти таже отдають выжитое ими и еще бѣднѣйшимъ ихъ и вотъ, въ этой то послѣдней отдачѣ стоитъ каждое мѣстѣчко подвала, на которомъ кое какъ можетъ утѣсниться человекъ, два рубля въ мѣсяцъ. Такимъ образомъ домъ расположенный въсколько пообшириѣе и однимъ своими подвалами приносить доходъ весьма значительный!

Всѣ двухрублевые бѣдляки въ шаговыхъ своихъ квартирахъ валяются по полу на лохмотьяхъ и въ лохмотьяхъ. Это первая картина ихъ ужаснаго положенія. Тутъ лѣтъ лица человѣческаго! В немъ они воъ вообще бродягъ, иногда собирають тряпки, лоскутки, гвозди, подковы, всякіе обломки, черепки, стекла и торгуютъ этимъ. Другіе не собирая тресня, гвоздей и проч. пускаются въ торгъ гнилыми яблоками, иногда перезарсыими, иногда сухими, мочеными горюхомъ, поджаренымъ макомъ и прочими подобными сластями, ласкающими вкусъ самыхъ бѣднѣйшихъ работниковъ и, такихъ же нищихъ, каковы и сами продавцы. Въ числѣ этаго же разряда бѣднаковъ, замѣчаю изъ нихъ предпочтительно мужчинъ, предъ которыми не положите чего нибудь плохо и почае свидѣлельствуйте свои карманы.

Но зато бѣдьяки мои высшаго разряда, подражаютъ стегать тулья для шляпъ и шапокъ, завертывать для кондитеровъ конфеты, разматывать всякую пряжу для фабрикъ, вязать чулки и носки, глядя по здоровью глаза, то изъ шерсти, то изъ нитокъ, сшивать мѣха, мыть полы и проч. Стигатели шлиппы и шапочныя могутъ выручать въ недѣлю до трехъ рублей и болѣе, разматыватели пражы почти столько же на человека, конфетчики берутъ плату съ нуда, поломошки, иногда, вдругъ, на три сестры, выручаютъ съ порядочной комнаты одинъ рубль серебромъ и не менѣе уже десяти рублей съ порядочной квартиры комнату въ пять, шесть. Со всѣмъ тѣмъ привычные бродяги, просащія милостыю ежеминутно, особенно около торговыхъ мѣстъ, почитаютъ свой промыселъ самымъ выгоднымъ: они соблазняютъ даже и занимающихся дѣломъ. Что жъ можетъ быть этаго лучше: не дѣлая ничего добыть въ день отъ одного рубля до пяти и болѣе. Но къ сожалѣнію большая часть этихъ легкихъ оборотовъ передается въ питейные дома — въ пропасть гдѣ всѣ нажитое нищимъ бродягомъ такъ легко гибнетъ непремѣнно! По моей части есть одинъ набакъ, гдѣ всякое утро и въ каждый вечеръ вы увидите сборъ воѣхъ моихъ бродягъ— это мѣсто ихъ совѣщаній, расчетовъ, предположеній, часто мерзостей невообразимыхъ!

Калеки, дряхлые, больные дѣти и старцы, также даютъ способъ предприимчивымъ нищимъ торговать собою и для себя: ихъ возятъ и носятъ шпіе здоровые, для убѣжденія добрыхъ дѣателей на милостыню. Условія калеки, больного и дитяти со взрослымъ здоровымъ нищимъ бывають различны, ихъ

словесной контрахты, иногда, заключаются изъ пола, иногда, изъ четвѣрты вы-  
ручаемыхъ подацій. Здоровые подрядчики возить и водить обыкновенно отли-  
чаются мастерствомъ убѣждать и весьма часто общитаются больныхъ, калеки и  
предпочтительно дѣтя. Впрочемъ и дѣтя нищія, привыкнувъ къ своей обяза-  
ности, нерѣдко обманываютъ самихъ взрослыхъ здоровяковъ. Такіе сцены мнѣ  
нерѣдко случалось вѣтрѣчать; но я тутъ былъ плохимъ судьей. Воронъ воро-  
ненку хотѣлъ выковырнуть глаза; но тотъ и другой, по послѣдствію, съ цѣлыми  
глазами развѣтелсь въ разные стороны и мальчишкѣ обманувъ взрослого, во-  
лѣчался своею удачею, какъ отличный ученикъ золотою медалію. \*)

Въ теченіе десятилѣтней моей службы при Попечительномъ Комитетѣ, я  
принималъ почти ежегодно подъ мою росписку до ста пятидесяти, а иногда  
нѣсколько и болѣе прошеній подаваемыхъ изъ Городской части на Высочайшее  
имя о пособіяхъ въ бѣдности и въ нуждахъ. Подобныя прошенія повторялись  
при каждомъ всеардестномъ прибытіи Государя Императора, Государыни Им-  
ператрицы, или кого либо изъ Ихъ Августѣйшей фамиліи въ Москву и потому  
число сплхъ прошеній, въ теченіи года на одну мою часть приходитъ до 500,  
то есть въ бумагахъ, а но въ лицахъ, ибо, тутъ, одно и то же лице подаетъ  
по два и по три прошенія вдругъ.

Сначала я назидалъ за этимъ дѣломъ весьма ревностно, я бѣсѣдовалъ съ  
этими бѣдными просителями, хлопоталъ о нихъ у пачальства и сколько воз-  
могъ однихъ пристроивалъ въ богадѣльни, другихъ поддерживалъ пенсіонами  
Комитета; но, въ послѣдствіи, угадалъ въ большой части всѣхъ сихъ просите-  
лей, всегда одиъ и тѣ же лица, я замѣтилъ въ манерѣ ихъ подачи реместо  
получить, какъ нибудь и сколько нибудь денегъ божь труда, и потому я облег-  
чилъ себя въ извѣдываніяхъ о достоинствахъ и качествахъ моихъ бѣдныхъ. Про-  
сить у Царя милости, требовать отъ Царицы крови: у нихъ вошло въ обычай...  
Нашлись спекулянты, которые умѣя хотѣ, какъ нибудь писавъ, начали моихъ  
бѣдныхъ подбивать непремѣнно къ подачѣ прошеній о пособіи имъ на бѣдности.  
Въ этомъ и спекулянтъ и проситель заключаютъ условіе, получить писцу изъ по-  
собіи половину, третъ, или четвертую долю; но нѣкоторые изъ просящихъ и  
безусловно выдаютъ своему писцу отъ 40 до 80 копѣекъ за каждое прошеніе  
и такимъ уже образомъ спекулянтъ-писецъ всегда получаетъ, съ каждаго де-  
сятка писемъ отъ четырехъ до оми рублей навѣрное. Нищіе вѣрятъ этимъ  
писцамъ, какъ ворочаямъ, по ихъ пророчеству: они уже знаютъ, къ которому  
времени имъ нужно будетъ заготовлять просятельнымъ письма и эти письма, на

---

\*) „А вѣдь бы дѣло озвѣдать за этимъ — вы помнителъ?“ говорилъ явля. „Но по заглавной  
въ моихъ силѣхъ.“ Отвѣчалъ я. Къому сказать, что соврѣмѣнно, этому будетъ совсѣмъ другой  
выдѣ М.

всякой случай, тотчас написаны: на них только стоит настаивать: годъ, мѣсяцъ и число. \*)

Писаря бѣдныхъ принадлежатъ, также, къ разряду людей бродячихъ; по они, въ кругу своемъ, играютъ еще старинную роль съ приписью подчасныхъ, чпювные изъ нихъ, пользуясь правами по рангу, большею частію стоятъ около приуздвешныхъ мѣстъ и предлагаютъ услуги желающимъ свидѣтельствовать дѣловыя бумаги, какъ-то духовныя завѣщанія, купчія, заемныя письма и проч. Другіе мѣла смѣлые и починковые, ораторствуютъ о дѣлахъ и пишутъ, какъ сказано, здѣсь и въ примѣчаніи, между своею братіею: между народомъ низшаго класса.

По долгу попечителя о бѣдныхъ я увѣдѣлъ, что оставилъ такіа вредныя спекуляціи: но одинъ изъ нихъ, главнѣйшій писакъ прошеній, Коллежскій Секретарь Владиміровъ \*\*) (недалеко умершій) со слезами говорить мнѣ, что писаніе прошеній о пособіяхъ его единственноый способъ жить. Почти тоже говорили и говорятъ другіе писцы одного съ нимъ ремесла: до свидѣтелей же, стоящихъ около судебныхъ мѣстъ, у меня не доходило дѣла; они по просятъ!

Владиміровъ, какъ старожилъ между пицими, былъ великимъ знатокомъ нѣхъ бѣдныхъ обстоятельствъ: онъ мнѣ часто рассказывать многія прелюбопытныя черты изъ ихъ жизни и за это я всегда угощалъ Владимірова ерофонецмъ! Изъ прошеній о пособіяхъ, сочиняемые мной Коллежскимъ Секретаремъ писались на одну статью, вездѣ одною манерою; а именно почти такими словами: „жила была я (имрекъ) или жила была я (имлярекъ) и наконецъ преклонился къ такому предмѣту, что не имѣю даже и дневнаго пропитанія.“ Я переводилъ слово жила на слово нила и веселый Владиміровъ замѣчалъ мнѣ, что и въ томъ нѣтъ худого—лѣчите, сударь, пьяницу и спасете его. \*\*\*)

Нѣкоторые изъ просившихъ, какъ напримѣръ одинъ отставной ковалеристъ, вѣчно ѣдиль изъ Москвы для приведенія въ порядокъ дѣлъ своего раздѣла съ братомъ и съ сестрою, ему помогаютъ; но онъ и получивъ пособіе опять бродить по Москвѣ, до случая, еще собрать, что нибудь, къ новому такому же неополнимому выѣзду. Ковалеристъ этотъ, въ его сущности, человекъ самый жалкій, сначала ушибенный, не зналъ, какииъ-то случаемъ, онъ не могъ

\*) Изъ числа этихъ же писателей, такъ называемыхъ подбодышекъ, принадлежатъ къ особому разряду: они хлопочутъ по всякимъ деламъ, разписываютъ и даже по словеснымъ показаніямъ совершенно уже не документальнымъ, договору ихъ идетъ изъ полученъ изъ третъ за раскладки; но такіе образцы прокармливалъ себя, большею частію другіе записываютъ въ книгу которъ и прописывъ дѣла. М.

\*\*) Не былъ ли онъ преемникомъ при Губернаторѣ Заборовскомъ? вѣрнѣе спросить меня выказъ: „Былъ“ отвѣчать я: „Мнѣ онъ извѣстенъ“, домыслилъ онъ. М.

\*\*\*) Которъ очень смѣялся этому. И доказалъ ему мою справедливостъ, бывшимъ при мнѣ подлиннымъ прошеніемъ. М.

изъясненъ самою же. М.

служить и думать, что на покой, въ отставку, и при небольшомъ состояніи найдеть для себя что нибудь вѣрное; но братъ его родной, запутанный дѣлами и явскимилами представилъ къ обеспеченію и продажѣ общее нераздѣльное имѣніе и вотъ всѣ продаю съ молотка и мой кавалеръ воспитанный какъ болярникъ, теперь нищій, бродяга—его приставъ въ домахъ Варгина, Сухопрудской и Шипова!

Другая просящая себя пособія это вѣчно помолаленная съ женихомъ и уже готовая подъ вѣнецъ Колмычка, она не проитъ; не требуетъ себя приданнаго и, какъ скоро получитъ въ томъ какое либо пособіе, тутже, растаетъ съ своимъ идальнымъ женихомъ и опять у нее та же проба о приданомъ — она опять уже намѣривается вступить въ бракъ, по прежнему съ идальмомъ! — Комедія!

Есть бѣдныя, которые стекаются въ Москву только для того, что Москва, по ихъ воображенію, безданны и безцолнино даетъ всѣмъ и каждому мало-маленька. Такъ они понимаютъ всѣ благотворныя дѣянія нашей филантропіи. Въ Москвѣ думаютъ они, получая рубли, да и живи спуста рукава, какъ хочешь! Но мало ли что можно сказать о нашей бѣдности—всего не перескажешь!

Впрочемъ, удавалось мнѣ помогать и настоящимъ бѣднякамъ. Однажды рано утромъ явился ко мнѣ вдова извѣстнаго литератора, спасеніе всей славѣ жизни ея зависѣло отъ ничтожной помощи. Тихо я представилъ ее Комитету и маленькая сумма, тотчасъ, спасла ее! Въ другой разъ престарелая Т. . . помѣщица, изгнанная за долги изъ послѣдняго приставища, привезена была въ Москву своимъ же добрымъ крестьяниномъ большая, дразня въ толгѣ! И сказать о ней и помѣщица дожила свой вѣкъ опять въ своемъ помѣстьѣ! Кому неизвѣстенъ вѣкъ N. N. наминаванъ его, я мазову одну изъ общественныхъ необходимостей прошлаго вѣка. „Я три дня не вѣлъ сказать онъ мнѣ, и погибну, иду умирать.“ Вотъ и объ немъ шепшутъ Комитету, ему помоги и посѣ онъ еще послужить отечеству, по мѣрѣ силъ своихъ съ пользою.

Свѣтъ въ квартирахъ моихъ бѣдныхъ, тоже, оставался, по ихъ жпани, статью важную. Жизнь у окна, или подъ окномъ, роскошь въ пищѣ и, потому одно окно подвала дѣлится не для одного, а для двухъ и даже для трехъ семействъ. Вотъ это какимъ образомъ: самая низъ окна, только кое какъ, освѣщается жинущаго подъ нимъ, другой свѣтъ ярчеъ проходитъ на палаты писящія въ полу окнѣ (на нихъ также живутъ) а надъ палатами дѣлается, тоже, какъ-то примостка и вотъ на ней тоже сидитъ человекъ, пользовавшійся свѣтомъ уже чрезъ подможную для него скважину! Я лазилъ и туда и сюда, съ помощію подотавныхъ лѣстницъ, нѣрѣдко худыхъ, весьма опасныхъ! Нѣтъ словъ о воздухахъ этихъ жилищъ, вѣтъ словъ о многомъ!... Строчно, однакожь, что и во время холеры, въ этихъ жилищахъ не было большой смертности.

Есть еще у меня бѣдные женщины, которыя промышляютъ оватовствомъ, одну изъ такихъ и всегда находилъ въ подвалѣ подъ однимъ изъвѣстнымъ зданіемъ и однажды я увидѣлъ ее во всемъ блескѣ ея промысла: штофъ вина стоялъ на столѣ ея, черствый хлѣбъ и что то воючее, тутже, лѣжало на закусокъ. Женить ужасный, невѣста растерзанная, растрепанная, еще ужаснѣйшая женшка; она сидѣла за столомъ и поднеси мнѣ чарку зенонаго, просили у меня и помощи и какой-то защиты. „Я благородная, я дочь капитана!“ говорила красавица. Я ушелъ отъ этихъ людей.

Въ числѣ непривычныхъ къ нищотѣ, мнѣ встрѣтилась однажды моя старая знакомка — было время, когда мы съ нею бывали въ лучшихъ домахъ, прыгали на однихъ и тѣхъ же паркетахъ.... Она меня узнала и сказала мнѣ по французски, чтобъ я не говорилъ о ней съ товарищамъ: дворяне и купцы первые несчастливы въ кругу ипщихъ, товарищи быть ихъ ужасною укоризною: „не умѣлъ жить!“ Я позабылъ самъ себя, всматриваясь въ несчастную, это была N. N.

Утомленная переходами, перѣздами и другими хлопотами 1812 года и остановился отдохнуть въ \*\*\*. Богатый, гостепріимный тамошній откупщикъ анжкомый мнѣ, какъ бояринъ и по Петербургу и по Москвѣ задалъ намъ праздникъ! Всегда памятнымъ осталось это торжество мнѣ! Изъ черезъ двѣнадцать послѣ того, я встрѣтилъ нашего радушнаго гостепріимца въ одномъ изъ Мишницкихъ переулковъ, кажется, неподалеку отъ памятника боярину Матіѣеву — тихо, неловко напомнилъ онъ мнѣ о милостынѣ!... Протли еще года бѣднякъ умеръ и похороненъ на сумму обрѣченную для похоронъ его однимъ благотѣльнымъ заведеніемъ. — „Кого это несутъ?“ спросилъ я. — „Генерала N. N.“ мнѣ отвѣчили....

Но мнѣ снѣ систематически поддерживать трудолюбіе многихъ бѣдняковъ, и желалъ бы, чтобъ Комитетъ, или кто другой обратилъ, именно на это трудолюбіе свое особое вниманіе.

Прибери всѣхъ калеки и устрой всѣхъ престарѣлыхъ по богадѣльнямъ, оставь подъ особымъ надзоромъ всѣхъ трудящихся надъ тульями, мѣлами, конфетами и наконецъ, какъ можно старайся раздавать малолѣтнимъ бѣдняковъ въ ученьѣ, приличное съ ихъ родомъ, и вотъ пѣтъ бѣдныхъ въ моей Городской частѣ! Такъ я думаю и думаю; но едва ли это исполнимо!

Приходскія богадѣльни, заводимыя у насъ издревле, едва ли не самое первое удобство для своихъ приходскихъ несчастливцевъ. Такъ устраивали патріархи и цари наши и мысль эта была богатая мысль. Подъ кровомъ своей родной церкви жизни роднаго несчастливца близко понятна и своимъ пастыремъ и своимъ роднымъ сосѣдомъ, тутъ онъ между своими свой. Малая и великая братъ готовъ ему и на праздникъ и на будень — чѣмъ Господь Богъ

послать. Для странниковъ былили особые пристанища временные, отъ сюда забредшии немощной опятъ передавались своимъ отчимъ — къ алтарю своего храма!

Милостиво все это выслушалъ отъ меня покойный князь Дмитрій Владиміровичъ, все это оставить у себя — дружески и меня оставилъ; но другихъ такихъ, минутъ у меня съ нимъ уже больше не было!

Макаровъ.

Членъ Попечительнаго Комитета.

---